

Александра Давид-Неэль

ПОСВЯЩЕНИЯ
И ПОСВЯЩЕННЫЕ
В ТИБЕТЕ

Ц Е Н Т Р П О Д М Г Р О

Александра Давид-Неэль

**Посвящения и
посвященные в Тибете**

«Центрполиграф»

Давид-Неэль А.

Посвящения и посвященные в Тибете / А. Давид-Неэль —
«Центрполиграф»,

Известная исследовательница Тибета Александра Давид-Неэль провела почти четырнадцать лет в этой загадочной стране. В ее книге нашли отражение эзотерические доктрины ламаизма, тибетский мистицизм и магия. Читатели узнают о священных ритуалах, дыхательной гимнастике и тайнах истинного посвящения в Тибете. Книга адресована всем, кто интересуется древними мистическими учениями и духовными практиками.

© Давид-Неэль А.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Выбор учителя	11
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александра Давид-Неэль

Посвящения и посвященные в Тибете

Глава 1

Что такое тибетский мистицизм

Для западных людей абсолютно ясное и полное представление о мистицизме тибетцев практически невозможно. Между принятыми у них разнообразными религиозными и философскими концепциями и всем тем, что служит основой для медитации у аскетов Страны снегов, пролегает широкая пропасть. Само слово «мистицизм», которое я однажды уже использовала и которое за неимением лучшего буду использовать в этой книге, когда речь идет о Тибете, следует понимать совсем не в том смысле, как это принято у нас.

На Западе мистик – это набожный человек, как допускается, высшего типа, но по сути это всегда верующий и поклоняющийся Богу.

Наоборот, тибетский мистик, с точки зрения западных людей, вполне возможно, будет выглядеть как атеист. Однако, если мы назовем его так, мы должны остерегаться связывать с этим термином те чувства и представления, которые он вызывает в западных странах.

В странах, находящихся под христианским влиянием, в течение прошлых веков атеист был редким исключением, некой демонической фигурой, заметно выделявшейся в толпе верующих. Даже в наше время в представлении многих он выглядит как бунтарь, выступающий против веры и религии, демонстрирующий свой пафос отрицания и вызова. Ничего подобного не наблюдается в Тибете, где никогда не имела влияния идея высшего Бога.

Среди многочисленных божеств ламаистского пантеона нет ни одного, которое выполняло бы роль вечного всемогущего Существа, творца мира. Эти божества рассматриваются как принадлежащие одному из шести видов существ, признаваемых народной верой. Приписываемые им обитатели не всегда находятся за пределами нашей Земли. Кроме того, когда их обычным местом обитания являются другие пространства, тибетцы считают, что эти области находятся достаточно близко к Земле, чтобы боги могли со своей стороны вмешиваться в жизнь людей. И поэтому благоразумно жить в добрососедских отношениях с менее могущественными из этих богов, заручиться благоволением более могущественных и добиться милости или нейтрального отношения злокозненных богов, и даже уметь противостоять им.

Эта религия, соединяющая в себе обмен добрыми услугами, проявления почтения и хитрость укротителя львов, не имеет ничего общего с любовью, воспламеняющей некоторых христианских святых, тем более – со страстными порывами (весьма быстро вырождающимися в чувственность) некоторых индийских бхактов.

Родившись в таком окружении, возвысившись над ним, однако сохраняя в своей природе ее отпечаток, тибетский созерцатель, покидая общество людей, удаляется в пустыню не из-за сентиментального побуждения, тем более он не думает о том, что приносит что-то в жертву.

В противоположность западному человеку, который часто уходит в монастырь, подавив свои глубочайшие аффекты, со слезами на лице, мучительно оплакивая то, что он называет «удовольствиями» этого мира, тибетский аскет, подобно индийскому *саньясину*, рассматривает самоотречение как счастливое избавление.

В буддийских писаниях есть множество описаний такого состояния ума:

«Жизнь домохозяина – подлинное рабство, свободен покинувший дом».

«В глазах Татхагаты¹ все великолепие царя – не более чем плевков или пылинки».

«Полно очарования уединение в лесу. Освободившиеся наслаждаются тем, что не привлекает простых людей».

Никакие «восторги» не ожидают трезвого мыслителя в укромной хижине отшельника или пещере в бескрайних горах Тибета. Однако экстаз и будет для него тем, во что он погрузится. День за днем, месяц за месяцем и год за годом созерцание в самоанализе работы своей мысли, стирание ее функциональных стереотипов, в соответствии с тем, как обнаруживается их неистинность, и будет тем, что удерживает его в состоянии внимательной неподвижности до того момента, пока не прекратится процесс рассуждения², поскольку вместо него приходит прямое восприятие.

Затем бури, порожденные мыслепорождающими теориями и спекуляциями, стихают, океан разума становится спокойным и уравновешенным, никакая рябь не волнует его поверхность. В этом безупречно ровном зеркале вещи отражаются без искажений³, и именно это и есть отправная точка для ряда таких состояний, которые не порождаются ни в обычном сознании, ни в бессознательном. Это и есть вход в сферу, отличную от той, в которой мы обычно обитаем. Следовательно, сделав определенное число оговорок насчет значения этого термина, мы можем говорить о тибетском «мистицизме».

Какова бы ни была цель, к которой стремятся тибетские мистики, самой поразительной их особенностью является их смелость и исключительно нетерпеливое желание испробовать свои силы в борьбе с духовными препятствиями или с оккультными враждебными силами. По-видимому, они воодушевляются духом авантюризма, и я назвала бы их, если так можно выразиться, «духовными спортсменами».

Действительно, такое странное название подходит им лучше всего. В каком бы направлении мистического пути они ни отважились пойти, это предприятие всегда будет трудным и опасным. Спортивный азарт, с которым они смотрят на свою борьбу, не является обычным религиозным отношением, и именно по этой причине он заслуживает нашего внимания.

Однако было бы ошибочным считать героем каждого, кто желает быть принятым в ученики *гьюд-ламы*⁴ и просит у него *дам-нгаг*⁵. Среди кандидатов на предварительное посвящение бывает весьма мало особо незаурядных или иным образом выдающихся личностей; большинство из них – простые монахи. Многие из них, прежде чем стремиться к более эзотерическим учениям, даже не пытались пройти обучение в монастырских школах.

Причиной такого пренебрежения может быть недостаток априорной веры в ценность такой официальной науки. Тем не менее вполне возможно и то, что регулярное изучение книг могло просто-напросто показаться слишком трудным для значительного числа тех, кто свернул с пути.

Инстинктивные склонности к созерцанию и слепому подражанию примеру других являются источником призвания для многих *налджорпа*⁶. Такой человек думает только о «совершении религии», или *чос-чед*⁷, как это называется на тибетском, но не имеет ни малейшего представления о том, куда его может привести путь, на который он встал.

¹ Татхагата – эпитет Будды.

² Тогпа, более правильно, «логическое рассуждение», в противоположность тогспа, «истинному пониманию» (тибет. *птог-па* и *птогспа*).

³ Океан и зеркало у тибетцев, индусов и китайцев часто используются вместе как сопоставимые образы.

⁴ Гьюд-лама означает здесь не определенную степень посвящения в школе гьюд (ритуальная магия), а скорее учителя, который считается хранителем тайных наставлений.

⁵ Дам-нгаг – предписания и советы.

⁶ Налджорпа (пишется как *риал бьорпа*) буквально означает: «Тот, кто обладает совершенной безмятежностью». В обычной речи означает адепта «Краткого Пути», часто также аскета, который считается обладающим сверхнормальными психическими силами.

⁷ Чос-чед (пишется как *чос бьед*).

Тот же самый человек, который в начале своей мистической карьеры был простаком, не обречен всегда оставаться им. На «Кратком Пути»⁸ часто случаются неожиданные чудеса: слепой становится ясновидящим, а ясновидящий теряет обычное зрение, ученики со слабым умом иногда превращаются в прозорливых исследователей, в то время как блестящие умы погружаются в состояние тупого оцепенения.

Удивительно наблюдать, с какой потрясающей скоростью в отдельных людях происходят умственные, моральные и даже физические изменения. Однако тибетские мистики остаются невозмутимыми. Они утверждают, что зачатки таких явно нелогичных трансформаций есть в самых разных людях, просто до определенного времени отсутствуют условия, благоприятные для их развития и проявления.

После мистического посвящения ученик должен с самого начала культивировать в себе пронизательность и способность занимать позицию бесстрастного наблюдателя⁹, полностью овладевшего своими естественными склонностями и мимолетными желаниями. Необходимо необычное умение, чтобы успешно пройти предписываемые некоторым ученикам опасное обучение, которое заключается в полном изживании самых разнообразных страстей. Вопрос в том, как войти в огонь и не обжечься. Эти испытания, которым подвергаются некоторые ученики по совету своих духовных наставников или в порыве желания испытать свои силы, крайне необычны и приводят к результатам, в которые едва можно поверить, особенно в отношении обуздания плотских инстинктов.

Ученику рекомендуется также наблюдать за совершаемыми действиями, за пробуждающимися в нем самым мыслями и чувствами, за проявлением чего-то привлекательного или отталкивающего, пытаться найти их причины, затем причины этих причин и т. д.

С другой стороны, необходимо пристально рассматривать цепь следствий, возникающих в результате разнообразных физических или психических действий.

Из всего этого легко увидеть, что в группу эзотерических или мистических методов ламасты в действительности включают позитивный психологический тренинг. В самом деле, они рассматривают освобождение не как божественный дар, скорее как трудное завоевание, а средство достижения спасения – как некую науку.

---

⁸ О «Кратком Пути» см. «Магия и тайна Тибета». Там описывается это учение и проистекающие из него методы, благодаря которым, согласно тибетцам, возможно достижение буддовости в течение одной жизни, если человек начинает свое духовное обучение, даже если у него не было никакого прогресса после долгой череды перерождений.

⁹ Следующий отрывок из «Мундака-упанишад» может послужить иллюстрацией такой позиции: «Две неразлучные птицы сидят на ветке дерева. Одна из них поедает плод этого дерева; другая, не прикасаясь к плоду, наблюдает за ней». Эта притча имела цель объяснить ведантистскую доктрину о *джи-ве*, но она в равной степени подходит и здесь.

Глава 2

Духовное руководство

Итак, точно так же, как мы идем к учителю, когда хотим изучить математику или грамматику, тибетцы естественным образом обращаются к учителю мистики, когда они хотят получить посвящение в духовные методы.

Санскритским словом «гуру» называют духовного наставника, и тибетцы ввели это иностранное слово в свой литературный словарь. Однако в разговоре они обычно говорят «мой лама», где притяжательное местоимение подразумевает связь между учителем и учеником.

Хотя тибетцы оказывают своим учителям за передаваемое знание глубокое почтение и оказывают им материальную помощь, в их стране редко можно встретить такое слепое поклонение своим гуру, какое обычно для Индии.

Поэт-затворник Миларепа – редкое исключение. Примеры проявленного им усердия, преданности и восхищения своим учителем чрезвычайно редки.

Несмотря на множество гиперболических выражений, употребляемых в обращении к учителям или при разговоре о них, на самом деле тибетские ученики преданы именно тем знаниям, хранителем которых является их учитель. За редкими исключениями, ученики полностью осознают недостатки «своего ламы», но уважение к нему не позволяет им признаваться в своих открытиях кому-то другому. Кроме того, многое, что для западных людей кажется предосудительным, не трогает их ни в малейшей степени.

Дело не в том, что тибетцы, вообще говоря, лишены моральных принципов, но последние не обязательно точно такие же, какие практикуют в наших странах. Например, многоженство, которое часто столь строго осуждается на Западе, ни в малейшей мере не кажется им заслуживающим порицания. С другой стороны, браки между родственниками, даже весьма отдаленными, кажутся им чем-то отвратительным, тогда как мы не видим в них никакого зла.

Если тибетцы иногда оказывают чрезмерное почтение человеку, недостатки которого очевидны, то во многих случаях такое отношение вызвано вовсе не потому, что они их не замечают. Чтобы понять это явление, мы должны вспомнить, насколько отличается западное представление о «я» от буддийского.

Большинство западных людей, даже отвергнув веру в нематериальную бессмертную душу, принимаемую за истинное «я», продолжают представлять себя как некую однородную сущность, которая продолжает существовать по крайней мере с момента рождения до смерти. Эта «сущность» может подвергаться изменениям, может становиться лучше или хуже, но при этом не предполагается, что следующие друг за другом изменения должны происходить каждое мгновение. Так, будучи не в силах наблюдать те проявления, которые нарушают непрерывность привычного образа какой-нибудь личности, мы говорим об этом человеке как о хорошем или плохом, аскетичном или беспутном и т. д.

Ламаистские мистики отрицают существование такого «я». Они утверждают, что оно является не более чем цепью трансформаций, совокупностью, элементы которого – материальные, а равно и психические – непрерывно взаимодействуют друг с другом, а также и с соседними совокупностями. Таким образом, отдельная личность, с их точки зрения, подобна быстрому речному потоку или изменчивому водовороту.

Продвинутые ученики могут узнать в этой череде личностей, проявляющихся в их учителе, ту единственную, у которой они могут получить полезные уроки и советы. Для того чтобы извлечь из этого пользу, они проявляют терпимость к низшим проявлениям, которые они замечают в том же самом ламе, точно так же, как они терпеливо ждали бы, когда среди толпы пройдет какой-нибудь мудрец.

Однажды я рассказала одному ламе историю о почтенном Экаи Кавагучи¹⁰, который, пожелав изучить тибетскую грамматику, обратился к известному учителю. Последний принадлежал к религиозной общине и оказался *гелонг*¹¹. После пребывания с ним в течение нескольких дней ученик обнаружил, что его учитель когда-то нарушил обет целомудрия и имел сына. Это вызвало у Кавагучи такое глубокое отвращение, что он, упаковав свои книги и вещи, тут же уехал.

«Какой болван! – воскликнул один лама, выслушав этот рассказ. – Разве тот грамматист стал менее сведущим в грамматике, поддавшись плотским искушениям? Какая связь между этими вещами и каким образом моральная чистота учителя касается ученика? Умный человек тщательно подбирает знания независимо от того, где он их находит. Разве не глупец тот, кто отказывается взять драгоценный камень из грязного сосуда только потому, что на его стенки налипла грязь?»

Просвещенные ламаисты рассматривают почитание своих духовных наставников с духовной точки зрения. В действительности с этой же точки зрения они рассматривают поклонение любого рода.

Признавая, что наставления людей, разбирающихся в духовных вопросах, чрезвычайно ценны и полезны, многие из ламаистов склонны считать, что ученик во многом сам отвечает за успешность своего духовного обучения. Мы не касаемся здесь усердия, силы концентрации или умственных способностей неопита. Полезность всего этого самоочевидна. Однако есть еще один элемент, который считается необходимым и даже более могущественным, чем все остальные. Это вера.

Не только мистики Тибета, но и жители многих других азиатских стран убеждены в том, что вера сама по себе является огромной силой. Она действует независимо от внутренней ценности ее объекта. Богом может быть камень, духовным отцом – обычный человек, и, тем не менее, почитание их может пробудить в верующем невиданную энергию и скрытые способности.

Внешние свидетельства почитания в виде поклонения *гуру* или любого другого поклонения направлены на поддержание веры и благоговения.

Многие новички, которые никогда не решились бы вступить на «Мистический Путь», если бы не верили в то, что их поддерживает и защищает умственная и магическая сила их лам, в действительности все время опирались только на свои силы. Тем не менее доверие к своему учителю производило такой же эффект, какой мог бы быть благодаря посторонней помощи.

Существует множество странных случаев. Некоторые время от времени предаются практикам поклонения и другим подобным действиям, хотя совершенно убеждены в том, что объект их поклонения не существует. И это вовсе не безумие, как можно было бы подумать, а скорее доказательство глубокого осознания духовного влияния и силы самовнушения. Некоторые католики превозносят метод, который на первый взгляд кажется аналогичным. Он заключается в том, чтобы побудить неверующего совершать все ритуалы своей религии, чтобы ввести его в состав паствы.

Можно предположить, что «неверие» человека, который прибегает к такой практике, чтобы постепенно прийти к вере, не так уж серьезно, чтобы ему не хватало глубокого убеждения; отсюда – желанная успешность этой уловки.

У ламаистов все совершенно иначе. Они не пытаются поверить. Практикуемая ими гимнастика направлена только на то, чтобы вызвать у них определенные состояния сознания, которые верующие приписывают воле Бога или гуру, в то время как эти состояния являются резуль-

---

¹⁰ Экаи Кавагучи – японский буддолог. Он упоминал об этом происшествии в рассказе о своем пребывании в Тибете.

¹¹ Гелонг (пишется как *дге слонг*) буквально означает «целомудренный нищий», приблизительный ламаистский эквивалент *бхикку* у южных буддистов, то есть монах, давший обет безбрачия и получивший посвящение в высокий духовный сан.

татом самой практики, физических действий, влияющих на разум. Тибетские учителя-мистики тщательно исследовали влияние, которое оказывают на сознание различные позы тела, жесты, выражение лица и окружающие предметы. Знание этих методов является частью тайной науки. Они используют его в духовном обучении своих учеников. Эта наука была известна и великим католическим «гуру». Например, оно встречается в «Духовных упражнениях» святого Игнатия Лойолы.

Выбор учителя

Тем, кто желает довериться руководству духовного наставника, ученые ламы настоятельно рекомендуют все свои силы проницательности направить на выбор такого учителя, который им подходил бы более всего. По мнению тибетца, ни эрудиция, ни святость, ни глубокие мистические знания еще не гарантируют того, что советы ламы будут одинаково хороши для всех его учеников. Каждый ученик в соответствии со своим характером должен быть направлен учителем по отдельному пути, который учитель либо уже прошел, либо изучил его достаточно тщательно, чтобы приобрести полное знание его основы.

Кандидат на посвящение обычно готов следовать этому благоразумному совету. Огромна разница между ним и обычным, одним из тысяч, монахом, лишенным инициативы. В то время как последний, который со времен детства, когда его взяли в монастырь, бездумно продвигался в направлении, намеченном для него его настоятелем, без всякого интереса посещая занятия в монастырской школе и прозябая в чем-то вроде ханжеского неведения, будущий посвященный обнаруживает, что обладает своей собственной решимостью. Он отвергает беззаботное существование обычных членов *гомпа*¹², для того чтобы отважиться пойти на вдвойне рискованное предприятие: преодоление трудностей духовного характера и борьбу с материальными житейскими трудностями, чтобы иметь возможность жить в областях, возможно слишком удаленных от его родных мест, где он мог бы пользоваться помощью родных и друзей. Помощь эту охотно оказывают тем, кто надевает на себя монашескую одежду.

В двадцатилетнем возрасте молодой монах, как правило, испытывает первое неясное желание покинуть монастырь. В отличие от мистиков Запада, которые удаляются в монастырь, когда слышат зов свыше, первым следствием мистических тенденций восточных людей является побуждение оставить монашескую жизнь и искать уединения в отшельническом жилище. К этому возрасту ученик уже обладает достаточно сильным характером, чтобы принять столь важное решение, и, несомненно, он уже способен получить необходимые сведения, чтобы в соответствии с конкретной преследуемой им целью обратиться к ламе, ученики которого уже устремились в подобном направлении.

Тем не менее бывают случаи, когда такой путь невозможен, и первая встреча со своим будущим гуру у некоторых происходит по чистой случайности. Будущий ученик не только ничего не слышал об этом ламе, но у него вообще никогда и в мыслях не было посвятить свою жизнь достижению религиозных целей. Тем не менее все меняется в пределах какого-то часа или внезапно; ученик вступает в тот таинственный мир, в котором «поток прокладывает себе русло»¹³.

Разумеется, слово «случайность», которое я использовала, не встречается в речи таких убежденных детерминистов, как ламаисты. Такие непредвиденные встречи и их последствия они рассматривают как произошедшие в результате отдаленных причин, то есть каких-то событий из прошлых жизней.

Часто бывает так, что учитель советует кандидату или даже уже принятому ученику пойти к другому ламе. Этот совет связан с тем, что учитель считает свой метод неподходящим для особенностей характера ученика. В других случаях гуру заявляет, что в каком-то своем ясновидческом переживании в медитации обнаружил, что у него нет с данным учеником каких бы то ни было духовных связей или психического родства, в то же время последний психически близок другому ламе, к которому его и отсылают. Эти связи и родство, истоки которых

---

¹² Гомпа (пишется как *дгомпа*), «уединенная обитель» – название тибетских монастырей.

¹³ «Вступить в поток» – часто используемое в буддийской литературе выражение. Подразумевается первый шаг в духовной жизни, которая в конце концов приводит к достижению просветления, состояния Будды.

ламаисты отслеживают вплоть до связей, образовавшихся в течение прошлых жизней, считаются весьма необходимыми для успешной практики ученика.

Некоторым другим кандидатам объясняют, что они еще не готовы для того, чтобы вступить на «Мистический Путь», и лама великодушно рекомендует им выбрать себе другое направление. Наконец, некоторых просто отказываются принимать без каких-либо причин, которые приписываются скрытым мотивам учителя.

Принятию кандидата в ученики обычно предшествуют длительные подготовительные процедуры. Они включают в себя ряд более или менее трудных испытаний. Некоторые гуру, в основном отшельники, превращают этот период ученичества в настоящую драму. Примеры этого я уже приводила в своей предыдущей книге, поэтому считаю ненужным утомлять читателя излишними повторениями.

Глава 3

Характер эзотерических доктрин. Метод и знание. Отец и мать. Традиционные устные наставления. Передача знаний по линии посвященных. Евгеника

Теперь мы должны обратиться к тому, что так страстно требует молодая религиозная элита Тибета у своих учителей-мистиков. Просвещенные ламы единодушно утверждают, что доктрины всех школ философии в их стране (фактически это все буддийское учение) изложены в книгах и открыто преподаются учеными наставниками в монастырских школах философии¹⁴.

Изучение этих различных теорий, тщательное их исследование, размышления и медитации могут привести тех, кто посвятил себя им, к обретению Знания. Тем не менее, согласно тибетцам, следует опасаться такой ситуации, когда знание остается всего лишь простым интеллектуальным принятием слов или принятием результатов чужого опыта. Такого рода знание они считают очень далеким от совершенного понимания и реализации – плодов непосредственного личного постижения объекта познания.

Интересно отметить, что тибетцы, используя способность санскрита придавать одному и тому же слову разные значения, перевели название известной работы, приписываемой Нагарджуне, – «Праджняпарамита» – не как «Высшее знание», а как «Выход за пределы знания». Правы они или слишком вольно обращаются с грамматикой, но факт остается в том, что на этом «выходе за пределы» они выстроили целую мистико-философскую систему, которая в конечном счете отлично согласуется с учениями весьма влиятельной в Тибете буддийской школы Мадхьямика.

Огромное значение придается этому «выходу за пределы» в эзотерических учениях. В них по-разному трактуется «выход за пределы» милосердия, терпимости, alertности, нравственности, безмятежности и знания. Нужно понять, что «за пределами» наших узких и непросветленных представлений о милосердии, терпимости и т. д. существует другой способ их понимания и практической реализации. На более высокой стадии посвящения демонстрируется в свою очередь незначительность и этого второго подхода к пониманию милосердия и т. д.

Таким образом, мы приходим к загадочным декларациям из «Алмазного Меча»¹⁵: «Когда человек более не верит ни во что, приходит время совершать дары». Мы можем предположить, что общая психическая направленность тибетцев, а возможно, также и некоторые традиции, существовавшие в их стране до начала проповедования идей школы ума¹⁶, склонили их к подобному толкованию «высших добродетелей» (санскр. парамита). Подтверждает ли сам текст «Праджняпарамиты» их систему «запредельного»? Это слишком специальный вопрос, чтобы его здесь рассматривать.

Обычно ламаисты допускают, что, для того чтобы знание (тибет. *шейраб*) было действенным, его необходимо соединить с методом, с благими средствами (тибет. *тхабс*), искусно приводящими к желанному Просветлению.

Объединенные *тхабс-шейраб* играют в ламаизме доминирующую роль. Символически они представлены как *дордже* (санскр. *ваджра*) и маленький колокольчик (тибет. *дильбу*). *Дордже* представляет мужское начало и метод, а *дильбу* – женское начало и знание. Посвященные

¹⁴ Цен-нид – одно из четырех отделений в ламаистских университетах.

¹⁵ «Дордже чодпа (*рдодже гчод па*)» – весьма популярное в Тибете произведение, являющееся переводом с санскрита «Ваджрачхедеки».

¹⁶ Пишется как *дхума* (срединный). Перевод санскритского *мадхьямика*.

налджорпы носят кольца, украшенные этими эмблемами: на правой руке – золотое кольцо с изображением *дордже*, а на левой – серебряное кольцо с колокольчиком.

В мистицизме *тхабс* и *шейраб* превращаются в *яб* и юм, то есть «отец» (метод) и «мать» (знание). Именно так и следует понимать скульптуры, изображающие слившиеся пары, которые можно увидеть в любом ламаистском храме. В этой связи интересно отметить, что некоторые иностранцы отправляются в большой ламаистский храм в Пекине, чтобы удовлетворить свой нездоровый интерес, наслаждаясь созерцанием этих статуй. Служки в этом храме, как и в других храмах, посещаемых светски настроенными туристами, заметили такое любопытство посетителей и не преминули воспользоваться этим. В храмах, куда пускают посетителей, не без умысла завесили статуи, вызывающие такой специфический интерес. Разумеется, за плату они поднимают покрывала, и, пока простодушный путник таращится во все глаза, хитрый чичероне, смеясь за его спиной, опускает монету в карман. Я обнаружила это, когда жила в китайском монастыре Пейлин-сы, примыкающем к ламаистскому монастырю. Нет необходимости говорить, что в тибетских монастырях покрывала неизвестны. Антропоморфный символ *яб* и юм, увенчанный черепами и танцующий на трупах, рассматривается здесь как исключительно аскетический. Кроме того, эта пара символизирует пустоту и блаженство, а также множество других философских идей.

Метод и знание в их неразрывном единстве представлены ритуальными жестами, называемыми *пхья-гьяя*¹⁷, которые исполняют в различных религиозных церемониях с использованием ваджры и дильбу.

Хотя во всем, что касается философских знаний, и нет никакого эзотеризма, то же самое нельзя сказать в отношении метода. То, что так страстно стремятся получить у учителей-мистиков и что иногда обретается ценой невероятных испытаний – *дам-нгаг*, или *мэн-нгаг*¹⁸, то есть совет и духовное наставление, а также – *кха-гьюд* или *дам-гьюд*¹⁹ – традиционное мистическое учение, которое передается только изустно и никогда не должно записываться. Советы и наставления подразделяются на несколько категорий, таких как *гом-гьи мэн-нгаг*²⁰ – советы по медитации, связанные с методами, разработанными для обеспечения возможности достижения целей, сформулированных в философских учениях; *мэн-нгаг дзам-бо*, «мудрый совет», имеющий исключительно возвышенную и сокровенную суть и связанный с заключительными таинствами «Краткого Пути», а также с методом достижения состояния Будды. Существуют также «советы», относящиеся к ритуалам, медицинской науке, искусству приготовления лекарств и т. п.

Один особый раздел тайных наставлений относится к магической практике, когда некоторые ламы специализируются на обучении своих учеников различным формам дыхательных упражнений, условно называемых *рлун-гом*²¹ и имеющих множество разновидностей.

Термин *дам-нгаг* является наиболее общим из вышеприведенных и практически включает все названные типы наставлений. Как уже говорилось, его можно толковать как наставление, передаваемое от учителя к ученику по линии духовной преемственности. Большинство посвященных не учат других тому, что узнали, они даже скрывают сам факт посвящения. Они дают обет молчания в отношении того и другого, и нарушение его влечет за собой ужасное проклятие – перерождение клятвопреступника в *ньялба*²². Только те, кто получил особые

¹⁷ Пишется как *пхьяг ргья*. Санскр. «*мудра*».

¹⁸ Пишется соответственно как *дгамс-нгаг* и *ман-нгаг*. Эквивалентно санскр. «упадеша».

¹⁹ Пишется как *бках-ргьюд* и *гам-ргьюд*.

²⁰ Пишется как *бегом*.

²¹ Буква «р» не произносится. Я сохранила ее для того, чтобы избежать путаницы между этим словом, обозначающим «ветер» или «дыхание», и другим словом «лунг», обозначающим «наставление», которое также является буддийским термином, обозначающим множество низших уровней посвящения.

²² Пишется как *дмьялба*: это миры страданий, которые западные авторы обычно называют «адом». В народном буддизме

предписания от своего учителя, имеют право сами преподавать учение. Некоторые ученики ламы могут получить разрешение или указание передать свой дам-нгаг тщательно проверенным кандидатам. И тем не менее, продолжение *лоб-гьюд*²³, то есть линии преемственности учителей, как правило, доверяется только самому выдающемуся из духовных сыновей каждого гуру. Только ему одному во всей полноте передаются учения и методы, которые его лама сам получил на таких же условиях.

Такой способ передачи традиционных учений присущ не только ламаизму. По-видимому, он существовал в Индии еще до времен Будды. Тибетские бонпо гордятся тем, что они обладают тайными наставлениями, которые передавались изустно на протяжении тысячелетий.

Самая известная линия учителей, как говорит традиция, начинается с Махакашьяпы, непосредственного ученика Будды, и продолжается до Бодхидхармы, то есть в течение более тысячи лет²⁴. Списки следующих друг за другом учителей данной духовной династии, именуемых «патриархами», содержит 27, а иногда 28 имен.

Нет ничего неправдоподобного в том предположении, что Махакашьяпа, а за ним многие старейшины пользовались среди буддистов высоким моральным авторитетом. Тем не менее это не совсем было передачей учения, ибо в списке «патриархов» есть люди, которые придерживались различных мнений и ученики которых вступали в ожесточенные споры друг с другом.

Более аутентичная линия мистических учителей началась в Китае с Бодхидхармы, основателя школы чань (школы медитации), которая впоследствии проникла в Японию, где получила название дзэн-сю.

Как утверждают японские знатоки дзэн, эта школа была основана на строгом следовании авторитету Бодхидхармы и его последователей, а легенда о происхождении линии преемственности «патриархов» была выдумана какими-то сверхъестественными почитателями, вероятно китайцами, примерно в IX–X веках н. э. Эта легенда не только ссылается на традицию какого-то определенного учения, но также и на способ его распространения, по этой причине она представляет для нас особый интерес.

Рассказывают, что однажды Будда сидел в окружении многих своих учеников на горе Коршуна, близ города Раджагриха²⁵. Один из богов явился поклониться ему и преподнес небесный золотой цветок. Будда принял цветок и молча смотрел на него. Никто из присутствующих не мог понять, о чем он думает, за исключением Махакашьяпы, который улыбнулся ему. Тогда Будда объявил: «Я задумался о нирване – сердце Учения; теперь я передаю это Махакашьяпе». Этот необычный способ, которым передается наставление в этой легенде, дал начало аналогичному методу, используемому адептами школы медитации, основанной Бодхидхармой.

Бодхидхарма был индийским буддистом из касты брахманов. Его методы обучения во многом отличаются от методов других учителей. Не очень ценя эрудицию, он превозносил интроспективную медитацию как истинное средство достижения духовного просветления. Вскоре после своего прибытия в Китай Бодхидхарма удалился в монастырь Шаолинь²⁶, где большую часть своего времени он проводил в медитации, созерцая каменную стену. Некото-

---

различаются несколько их видов. Однако учитывая, что их обитатели смертны и могут снова возродиться в более лучших, или даже прекрасных, условиях, термин «чистилице» кажется для них более подходящим. Обитатели *ньялба* не обязательно отличаются дурными наклонностями. Они способны к состраданию и возвышенным чувствам. Считается, что результатом проявления этих чувств обычно является немедленная смерть, которая освобождает несчастные существа от мучений и обеспечивает им счастливое перерождение. Посвященные рассматривают такое описание как символическое и относят его к реалиям духовной природы.

²³ Пишется как *слоб-ргьюд*.

²⁴ Согласно цейлонской традиции, дата смерти Будды – 544 г. до н. э. Бодхидхарма прибыл в Китай в 520 г. н. э.

²⁵ Город расположен в нынешнем индийском штате Бихар.

²⁶ Расположен в горах провинции Хунань. Это историческое место, по-видимому, полностью игнорировалось учениками Бодхидхармы, хотя их было много и в Китае, и в Японии. Когда я посетила его, монастырь был частично разрушен.

рые из его китайских и корейских учеников, а также последователи в Японии из школы Сото (одного из ответвлений дзэн-сю) сохранили обычай созерцания стены во время медитаций.

Самым выдающимся учеником Бодхидхармы был конфуцианский ученый Чжан Гуан. Говорят, он отправился к обители Бодхидхармы, чтобы просить его стать наставником; но когда учитель в течение нескольких дней отказывался принять его, Чжан Гуан отрубил себе левую руку и послал ее Бодхидхарме в доказательство неизменности своего решения.

В Китае за Бодхидхармой последовали шесть патриархов в качестве глав школы чань, затем эта линия разделилась на две ветви, которые впоследствии также разделились.

Особые методы и учения школы медитации проникли в Японию в VI веке н. э. и впоследствии, в XI веке, были прочно установлены учителем Энсаем. Дзэн-сю до сих пор процветает и насчитывает множество последователей среди интеллектуальной элиты Японии. Однако, к сожалению, как здесь, так и в Китае, школа медитации впала во внешнюю обрядность, столь строго осуждавшуюся Бодхидхармой и самим Буддой.

В Тибете мы обнаруживаем и телепатический способ передачи особых наставлений. Мистики этой страны разделяются на три типа наставников, что четко выражено в литургических формулах отдельных ритуалов. Это: *гонг-гьюд*, *да-гьюд* и *ньянь-гьюд*²⁷.

Гонг-гьюд – это «линия мышления», учителя которой обучают посредством телепатии, без помощи речи. *Да-гьюд* – это «линия жестов», учителя которой обучают в безмолвии, посредством жестов и знаков. *Ньянь-гьюд* — это линия, где учителей «слушают», то есть те дают уроки обычным образом – разговаривая с внимающими им учениками.

Телепатический метод считается высшим, но многие ламы считают, что в современном мире больше нет учителей, способных к его осуществлению на практике, кроме того, нет и достаточно парасихически развитых учеников, способных получать наставления таким образом. То же самое они думают о методе наставления посредством жестов и знаков, который занимает в их оценке второе место.

Возможно, что в прошлые века мистики, практиковавшие телепатический метод наставлений, встречались намного чаще, чем сейчас. Но по этому вопросу трудно узнать что-либо определенное. Однако, как бы там ни было, обучение при помощи телепатии еще не полностью исчезло из Тибета. Оно все еще используется некоторыми созерцателями, и поэтому в значительной степени этот метод применяется в ритуалах, сопровождающих высшие уровни посвящения.

Среди хранителей мистических традиций следует упомянуть линию *кагьюпа*, школу «прямой передачи предписаний и наставлений». Ее духовными основоположниками являются два индуса, Тилопа из Бенгалии и Наропа из Кашмира, жившие примерно в X веке н. э.

Неизвестно, кто передал Тилопе *дам-нгаг*, который появился в Тибете позднее благодаря ученику Наропы ламе Марпе. Мы не располагаем об этом никакими определенными сведениями, кроме легенды, которая в значительной степени символична²⁸.

Кроме фантастического посвящения Тилопы, полученного от *дакини*, тибетцы верят в то, что он получил наставления также от мифического Дордже Чанга или даже что он был воплощением последнего. То же рассказывают и о ламе Марпе, который, как мы только что сказали, ввел учение Наропы в Тибете. В свою очередь, Марпа передал этот *дам-нгаг* известному аскету, поэту Миларепе (XI век), а тот – своему ученику Дагпо Лхадже²⁹.

Позже эта линия разделилась на шесть школ и подшкол, самыми важными из которых являются *карма-кагью* и *дугпа-кагью*. Первая, которую обычно сокращенно называют *кармана*, представляет собой одну из самых важных школ «красношапочников». Их главный монастырь,

---

²⁷ Пишется как *дгонг-бргьюд*, *брдах-бргьюд* и *нян-бргьюд*.

²⁸ Эта странная легенда рассказана в книге «Магия и тайна Тибета».

²⁹ Дагпо Лхадже – ученый Дагпо.

резиденция одного из духовных наследников Тилопы, находится в Толунг-Черпуге, в горах к западу от Лхасы.

Что касается *дугпа-кагью*, то некоторые авторы совершенно ошибочно представляют себе ее характер, считая, что термин *дугпа* обозначает колдуна, который практикует самую ужасную форму черной магии.

«Дуг» означает «гром». Школа дугпа, включающая в себя школы Центрального и Южного Тибета, возникла в XII веке. Она была основана учеником Дагпо Лхадже, ламой Чегдже Цангпа Гьярепа, которого иногда называют Тулку Пагсам Бангпо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.